

хотя труд ваш вовсе не обременителен»⁵². Интересен лозунг бедных: «Дайте нам наше!» «Мы не просим, но требуем возвращения нашего!» (Δότε τοῖνον ἡμῖν τὰ ἡμέτερα· ταῦτ' οὐκ αἰτοῦντες, ἀλλ' ἀπατοῦντες ὑμᾶς τὰ ἡμέτερα)⁵³.

На первый взгляд, Макремволит поднимает проблему эксплуатации человека человеком, разрешить которую может только социалистическая революция. Но Макремволит, очевидно, понимал всю безнадежность своих требований. Он не делал никаких выводов, не требовал изменения существующих социальных отношений, а призывал только к выполнению заветов христианской морали и справедливости. «Мы, — говорили бедные, — не даром получаем от вас, богатых, благодеяния — ведь мы со своей стороны вам воссылаем моления, восхваления, почтение, прославления, проявляем самоунижение, преклоняемся перед вами, как перед богом»⁵⁴.

Как видно, у Макремволита нет стремления нарушить существующий строй, нет стремления к равенству — низы даже не против особого почтения к господствующему классу. Они лишь требуют более справедливого распределения благ. В качестве конкретной меры, могущей смягчить противоречия, Макремволит предлагает смешанные браки между бедными и богатыми⁵⁵.

Диалог показывает остроту противоречий в византийском обществе, но в то же время — отсутствие возможностей их преодоления. В обычное время угнетенное население терпеливо сносит свое положение, находясь во власти санкционирующей гнет господствующей идеологии («На этом свете бедность неизбежна!» — ἀναγκαῖα τῇ τοῦ κόσμου συστάσει ἡ εὐδαια...⁵⁶). Но положение меняется, когда между различными прослойками господствующего класса начинается борьба. Тогда трудящаяся масса всей силой своей ненависти к эксплуататорам становится на сторону прогрессивной прослойки, поскольку эта прослойка выражает действие объективной закономерности в развитии общественного строя. Так было в начале гражданской войны, когда трудовое население Фессалоники присоединилось к лагерю, возглавляемому Апокавком и торгово-предпринимательскими кругами, несмотря на то, что трудовые массы, судя по диалогу Макремволита, чувствовали ненависть не только к феодальным вельможам, но и вообще ко всякой эксплуатации и неравенству.

Кантакузин не смешивает зилотов с народными массами. Наоборот, он склонен ясно различать обе стороны. Он не проявляет особой ненависти в вождям зилотов, неоднократно указывает на их умеренность. Но страшной злобой проникнуты слова Кантакузина, когда он говорит о народе. Народ — крестьяне разграбили его имущество в городах и селах, захватили его земли. Народ в Константинополе и в Фессалонике совершал, по его словам, акты зверства.

Отношения между народными массами Фессалоники и зилотами не были одинаковы на всем протяжении событий. Вначале под влиянием повсеместных стихийных выступлений масс зилоты стали во главе движения. Во время измены Синадина зилоты при полной поддержке масс перехватили бюрократический аппарат из рук патрициата. Но это оказало неблагоприятное влияние на ход восстания. Едва ли верно думать, что чиновники из зилотов были лучше, чем чиновники из знати. Недостатки бюрократии имманентны ей и не зависят от социального происхождения чиновника. Основываясь на охлаждении народа к зилотам, летом 1345 г. правительственный наместник Фессалоники Иоанн Апокавк произвел переворот — убил вождя зилотов Михаила Палеолога, репрессировал

⁵² I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 205. 26—27.

⁵³ Ibid., p. 214. 6. 12.

⁵⁴ Ibid., p. 214.4.

⁵⁵ Ibid., p. 208.8.

⁵⁶ Ibid., p. 213. 28.